
ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ

ВСЕВОЛОД
ОВЧИННИКОВ

ГОРЯЧИЙ
ПЕПЕЛ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-35

Компьютерный дизайн обложки *Половцева Василия*

Овчинников, Всеволод Владимирович.

О-35 **Горячий пепел / Всеволод Овчинников. —**
Москва : Издательство АСТ, 2022. — 352 с.
ISBN 978-5-17-134899-1

«Горячий пепел» — это политический детектив, хроника тайной гонки за создание ядерного оружия. Автор одним из первых в журналистике рассказывает, что кроме Франции, Англии, Германии, США создать собственную атомную бомбу в годы Второй мировой войны пыталась и Япония, перенесшая потом трагедию Хиросимы и Нагасаки.

В это издание вошли так же повести «Человек и дракон», посвященная борьбе с водной стихией, и «Перлы труда», рассказывающая о том, как японцы раскрыли тайну рождения жемчуга и превратили устриц в домашних животных.

«Цветы сливы» — это сборник рассказов о контрасте кулинарных традиций китайцев и японцев, отражающих национальный менталитет этих соседних народов и их отношение к природе.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134899-1

© Овчинников В. В., 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ГОРЯЧИЙ ПЕТЕЛ

Хроника тайной
гонки за создание
атомного оружия

День совпадений

25 апреля 1945 года войска 1-го Белорусского фронта соединились северо-западнее Потсдама с войсками 1-го Украинского фронта, завершив таким образом полное окружение Берлина. В этот же день войска 1-го Украинского фронта и союзные англо-американские войска ударом с востока и запада рассекли немецкий фронт и соединились в центре Германии, в районе Торгау.

25 апреля — в тот же самый день, когда вокруг гитлеровской столицы замкнулось железное кольцо, в день исторической встречи советских и американских войск на Эльбе — в Сан-Франциско открылась конференция Объединенных Наций для подготовки устава всеобщей международной организации по поддержанию мира и безопасности. К ее участникам обратился по радио из Вашингтона президент США Трумэн: «Современная война с ее всевозрастающей жестокостью и разрушениями, если ей не воспрепятствовать, в конце концов сокрушит всю цивилизацию... Если мы не хотим погибнуть вместе в войне, мы должны научиться жить вместе в мире».

В таких выражениях приветствовал представителей 46 государств новый хозяин Белого дома, ставший за две недели до этого президентом США после внезапной кончины Рузвельта.

В том, что открытие конференции Объединенных Наций совпало со встречей советских и американских войск на Эльбе, миллионы людей видели тогда добрый знак. Это совпадение казалось залогом того, что, сплотившись в борьбе против общего врага,

участники антигитлеровской коалиции смогут плодотворно сотрудничать и в послевоенном мире.

Но богатый событиями и совпадениями день 25 апреля 1945 года ознаменовался еще одной встречей, имевшей совсем иные последствия.

В то самое время, когда делегаты конференции Объединенных Наций слушали по радио запись речи Трумэна, сам он надолго уединился в Овальном кабинете Белого дома с двумя собеседниками. Военный министр Стимсон впервые привел тогда к новому президенту начальника Манхэттенского проекта генерала Гровса.

— Через четыре месяца, — начал Стимсон, — мы, по всей вероятности, завершим создание самого мощного оружия, какое когда-либо знало человечество. С помощью одной такой бомбы можно разом уничтожить целый город. Хотя это оружие создавалось совместно с англичанами, Соединенные Штаты единолично контролируют сейчас ресурсы и мощности, необходимые для его производства, и никакая другая страна не сможет добиться этого в течение ряда ближайших лет.

Затем Стимсон передал слово генералу Гровсу. И тот впервые подробно проинформировал Трумэна о Манхэттенском проекте. Генерал рассказал, что под его началом трудятся более полутора ста тысяч человек. Вот уже третий год эта беспрецедентная по размаху программа стоимостью в два миллиарда долларов осуществляется в глубочайшем секрете.

Проект, подчиненный лишь президенту через военного министра, финансируется из особого фонда, не подотчетного конгрессу. Даже государственный департамент вплоть до Ялтинской конференции не знал о работах над атомным оружием.

Гровс рассказал о научном центре в Лос-Аламосе,

где вместе с американцами трудятся всемирно известные физики, бежавшие из оккупированных Гитлером стран, а также английские и французские

ученые, начинавшие атомные исследования самостоятельно.

Генерал доложил президенту, что гигантские секретные предприятия по разделению изотопов урана и производству плутония в Ок-Ридже и Хэнфорде к началу августа должны произвести достаточное количество атомной взрывчатки для трех бомб: одной урановой и двух плутониевых.

Для экспериментального взрыва Гровс рекомендовал использовать плутониевую бомбу. Он считал, что для дальнейшего совершенствования нового оружия крайне важно применить в боевых условиях оба типа атомных бомб. Урана же будет в наличии лишь на один боезаряд..

На завершающей части доклада начальнику Манхэттенского проекта показалось, что Трумэн то ли не вслушивается в его слова, то ли не понимает их смысла. В том, что собеседники втолковывали новоиспеченному президенту, действительно было много совершенно неведомых ему понятий. Но Трумэн сразу же уловил суть дела и именно поэтому глубоко погрузился в собственные мысли.

Ведь хозяином Белого дома внезапно стал недавний сенатор от штата Миссури, который летом 1941 года так сформулировал свое представление о роли США во Второй мировой войне: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Став президентом США в момент, когда капитуляция гитлеровского рейха стала вопросом уже не месяцев, а дней, Трумэн оказался перед мучительной дилеммой. С одной стороны, ему не терпелось «осадить русских», проявить жесткость в вопросах послевоенного устройства в Европе. Но, с другой стороны, он опасался, как бы это не толкнуло Советский Союз к отказу от обещания, данного на Ялтинской кон-

ференции, — вступить в войну против Японии через три месяца после победы над Германией. Трумэн сознавал, что, если Красная Армия с ее боевым опытом не присоединится к союзникам на Дальнем Востоке, вторжение на Японские острова обойдется Соединенным Штатам куда дороже, чем высадка в Северной Франции.

Вот почему слова Стимсона и Гровса произвели на Трумэна прямо-таки ошеломляющее впечатление. Он почувствовал себя азартным игроком, которому на руки вдруг пришел козырный туз. Сомнения разрешились сами собой. Курс действий четко определился. Сначала на практике показать, что Соединенные Штаты стали единственным в мире обладателем нового оружия небывалой силы. А потом, опираясь на атомную монополию, шантажировать Советский Союз, заставить его подчиниться американскому диктату.

Готовясь к встрече с советской делегацией в Потсдаме, Трумэн доверительно сказал одному из помощников:

— Если она взорвется, а я думаю, что так оно и будет, у меня наверняка появится дубина на этих парней!

Тревожные сигналы

Летом 1939 года в Париже было необычно мало иностранных туристов и на удивление много парижан. Хотя подошел сезон отпусков, почти никто не выезжал из столицы. Над душным городом как бы сгущалась предгрозовая атмосфера последних предвоенных месяцев.

Даже в студенческом кафе на левом берегу Сены не чувствовалось обычной беззаботности.

Несмотря на погожий июньский вечер, многие столики пустовали. И двум посетителям средних лет не пришлось долго искать место.

Первый из собеседников был человеком столь же известным в научных кругах, сколь второй — в деловых. Это были Фредерик Жолио-Кюри, руководитель кафедры ядерной химии в Коллеж де Франс, и Эдгар Сенжье, бельгийский промышленник, управляющий урановыми рудниками в Конго.

— Господин Сенжье, я попросил вас о встрече, чтобы обсудить вопрос, связанный прежде всего с моей научной работой. Но дело это касается и судебных Франции, и судебных Европы, — Жолио-Кюри на минуту умолк, устремив пристальный взгляд на собеседника. — Насколько мне известно, — продолжал он, — компания «Юнион миньер» является сейчас крупнейшим в мире поставщиком урановой руды.

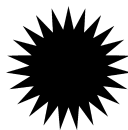
— Да, по существу, единственным. Если не считать чехословацких рудников в Яхимове. Но добыча там, разумеется, не идет ни в какое сравнение с Бельгийским Конго.

— Так вот, французское правительство, будучи заинтересовано в моих исследованиях, уполномочило меня сделать вам весьма заманчивое коммерческое предложение. Франция готова целиком закупить запас урановой руды, имеющийся в Бельгии, а также приобрести исключительное право на всю продукцию рудников «Юнион миньер» в Катанге. Сенжье усмехнулся.

— Стало быть, и вы, господин Жолио-Кюри, занялись проблемами военной авиации?

— Вовсе нет! Откуда вы это взяли?

— Видите ли, совсем недавно с таким же точно предложением ко мне обратился не кто иной, как сэр Генри Тизард. Он просил, чтобы наши переговоры оставались в секрете. Но для меня давно уже не секрет, что в Лондоне сэр Генри возглавляет управление научных исследований Королевских военно-воздушных сил. Я только не пойму, какое отношение к авиации может иметь самый тяжелый из элементов. Ведь создателям само-

летов нужны как раз легкие металлы. Откуда этот внезапный интерес к урановой руде?

— Если говорить в самых общих чертах, — ответил Жолио-Кюри, — уран может обрести огромное стратегическое значение. И как принципиально новый источник энергии, и как взрывчатое вещество невиданной разрушительной силы.

— На нечто подобное намекал мне и Тизард. Помнится, он говорил: «Нам, англичанам, даже не так важно самим купить эту руду, как не допустить, чтобы она попала в руки противника». При этом Тизард, разумеется, имел в виду нацистский рейх. Да, Бельгии и Франции вновь грозит германское вторжение. И я, как бельгиец, могу пообещать вам: во-первых, компания «Юнион миньер» готова снабжать Францию урановой рудой, а во-вторых, она не будет продавать эту руду в Германию. Но есть ли реальные причины для опасений? Ведь Гитлер вроде бы разогнал всех талантливый физиков, начиная с самого Эйнштейна?

Фредерик Жолио-Кюри молча покачал головой.

В 1935 году, вскоре после того как он вместе со своей женой Ирен Кюри получил Нобелевскую премию за открытие искусственной радиоактивности, в Коллеж де Франс была создана кафедра ядерной химии. Ближайшими сподвижниками ее основателя и первого руководителя Жолио-Кюри вскоре стали Ганс Халбан и Лев Коварски. Они бежали во Францию от нацистских репрессий и хорошо знали как потенциальные возможности германской науки, так и способность гитлеровского режима подчинить труд ученых своим замыслам.

В конце 1938 года мировую научную общественность всколыхнуло известие из Германии. Физики Отто Хан и Фриц Штрассман установили, что атомное ядро урана находится в состоянии неустойчивости. Оно способно расщепляться, то есть делиться на две части, выделяя при этом ог-

ромное количество энергии. Это открытие дало толчок для научных поисков и теоретических выводов в совершенно новой области. Опираясь на него, сразу несколько ученых в различных странах предсказали возможность самоподдерживающейся цепной реакции в определенной массе урана.

В начале 1939 года Фредерик Жолио-Кюри и его коллеги во Франции, а также венгр Лео Сцилард и итальянец Энрико Ферми в Соединенных Штатах почти одновременно сделали сходные выводы. Если при распаде атома урана высвобождается не один, а несколько нейтронов, каждый из которых способен в свою очередь расщеплять соседние атомы урана, то можно при определенных условиях вызвать цепную реакцию, сопровождающуюся взрывом чудовищной разрушительной силы.

В марте 1939 года Жолио-Кюри, Халбан и Коварски опубликовали в лондонском журнале «Нейчур» статью «Высвобождение нейтронов в ядерном взрыве урана». Этот научный труд свидетельствовал, что в области атомных исследований, и в частности в разработке проблем самоподдерживающейся ядерной реакции, Франция в ту пору опережала другие страны.

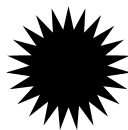
Незадолго до беседы с Сенжье о бельгийских запасах урановой руды Жолио-Кюри и его коллеги зарегистрировали несколько патентов, касающихся создания уранового реактора.

Из письма, которое Жолио-Кюри получил от Сциларда из Америки, явствовало, что над этими проблемами думают и ученые в других странах.

Какие же были основания считать, что Германия останется здесь исключением? Ведь там по-прежнему трудились многие известные физики, и в частности Ган и Штрассман...

Жолио-Кюри был прав в своих опасениях.

24 апреля 1939 года в имперское военное министерство Германии

обратились с письмом профессор Гамбургского университета Пауль Гартек и его ассистент Вильгельм Грот. «Мы хотели бы привлечь ваше внимание к последним событиям в ядерной физике, — писали они. — По нашему мнению, они открывают возможность создания взрывчатого вещества, которое по своей разрушительной силе на много порядков превзойдет обычную взрывчатку».

26 апреля 1939 года, то есть через два дня после того, как Гартек и Грот направили военному руководству Третьего рейха свой вывод о том, что «страна, которая первой поставит себе на службу достижения ядерной физики, обретет абсолютное превосходство над другими», руководитель британских военных исследований Тизард письменно рекомендовал своему правительству любыми средствами помешать Германии сосредоточить в своих руках запасы урана.

Не ограничиваясь официальными каналами, Тизард по собственной инициативе встретился с Сенжье, с которым несколько позже беседовал Жюлио-Кюри. Оба они предостерегали главу фирмы «Юнион миньер», что если продукция ее африканских рудников попадет к нацистам, это может привести к мировой катастрофе.

Правда, предотвратить захват гитлеровцами того урана, который уже был доставлен из Конго в Европу, так и не удалось. В мае 1940 года Бельгия была внезапно оккупирована. При этом в руки нацистов попали 1200 тонн уранового концентрата, хранившегося на обогатительной фабрике в Оолене. Это была почти половина тогдашнего мирового запаса урана.

Сам Сенжье успел покинуть Бельгию и перебраться в Нью-Йорк. Осведомленный о стратегической ценности урана, он распорядился тайком доставить в ангольский порт Лобито всю руду, добытую за последний год на руд-

никах «Юнион миньер» в Катанге. С подложными документами она была погружена на два зафрахтованных фирмой судна. Эти два транспорта, имевшие, согласно судовым документам, груз смолы для фармацевтической промышленности, вышли из Лобито, имея официальным портом назначения Кейптаун. Вскоре, однако, они изменили курс и необычным маршрутом пересекли Атлантику.

Так в сентябре 1940 года была доставлена в Нью-Йорк другая половина тогдашнего мирового запаса урана. Именно эта руда послужила потом сырьем для Манхэттенского проекта, именно из нее была изготовлена взрывчатка для первых американских атомных бомб.

Эйнштейн пишет Рузвельту

Африканская руда, доставленная в Америку стараниями Сенжье, долгое время пролежала без дела в одном из пакгаузов нью-йоркского порта. В вашингтонских коридорах власти и даже в военном ведомстве в ту пору еще не придавали должного значения открытиям в области ядерной физики.

Первыми стали бить тревогу и стучаться в двери власть имущих европейские ученые-эмигранты, которых коричневая чума заставила покинуть родину и поселиться в Соединенных Штатах. Инициаторами этих усилий были Сцилард и Ферми.

Еще в марте 1939 года, то есть в то самое время, когда Гитлер захватил полностью Чехословакию и когда руководитель британских военных исследований Тизард беседовал с Сенжье о стратегическом значении урановой руды, Ферми встретился с заместителем начальника научно-технического управления военно-морских сил США адмиралом Хупером.

Но убедить адмирала в возможности создания атомной бомбы, в опасности того, что подобное ору-

